

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11002

EDN: QZGIIQ

Повесть о юноше и чародее: славянские версии византийского сюжета

И. М. Грицевская^{1✉}, В. В. Литвиненко²

¹ *Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Российская Федерация)*

e-mail: irgri@inbox.ru ✉

² *Карлов университет
(г. Прага, Чешская республика)*

e-mail: vyacheslav.lytvynenko@gmail.com

Аннотация. В статье проанализирована «Повесть о юноше и волхве» («Слово о Месите-чародее»), входившая в ряд древнерусских сборников и являвшаяся переводом с греческого. Повесть исследована с точки зрения особенностей построения сюжета, при этом учтены как специфика греческого текста, так и изменения, произведенные славянскими переводчиками и редакторами. Выявлена зеркальная структура текста, состоящая из двух дублирующих в ряде сюжетных особенностей нарративов. Прослежены отличительные черты двух разных греческих версий, нашедших отражение в переводах (например, в оригинальной версии происходит смена нарративного фокуса). Значимой особенностью одного из славянских переводов является адаптация к древнерусскому сборнику (а именно к Прологу), в который он оказался включен. Отмечено появление в славянской версии мысли о долге Бога перед праведником. Проведена параллель данной повести и «душеполезной истории» (поджанр византийской агиографии) о раскаявшемся разбойнике. Судьбы этих текстов как в греческой, так и в славянской книжности выглядят практически одинаково: они существовали в двух версиях в греческой книжности, обе версии обоих текстов получили перевод на славянский; эти переводы вошли в те же славянские сборники (Пролог и Сводный Патерик). Выявлен ряд содержательных параллелей, важнейшая из которых — обсуждение путей спасения души мирянами вне церковной парадигмы, «нетипичная» святость. Однако, несмотря на стиливое и отчасти содержательное сходство, за счет дублирования сюжетных мотивов «Повесть о юноше и волхве» в сюжетном плане более сложна, нежели история о раскаявшемся разбойнике и более соответствует жанру литературной повести.

Ключевые слова: древнерусский нарратив, византийская агиография, Пролог, Патерик, юноша, волхв, душеполезные истории, сюжет, беллетризация

Благодарность. Исследование В. В. Литвиненко поддержано программой No. UNCE/HUM/016 Исследовательского центра Карлова университета и проектом GAČR 22-08389S “Pseudo-Athanasius of Alexandria, Oration on the Celebration of Easter: Critical Edition of the Old Slavonic Version”.

Для цитирования: Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Повесть о юноше и чародее: славянские версии византийского сюжета // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 137–154. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11002. EDN: QZGIIQ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11002

EDN: QZGIIQ

A Narrative About a Young Man and the Magician: Slavonic Versions of a Byzantine Story

Irina M. Gritsevskaya ¹✉, Viacheslav V. Lytvynenko ²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
(Syktyvkar, Russian Federation)

e-mail: irgri@inbox.ru ✉

² Charles University
(Prague, Czech Republic)

e-mail: vyacheslav.lytvynenko@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the “Narrative About a Young Man and the Magician” (also known as a “Homily About Mesites the Magician”), which was part of several Old Russian miscellanea and originated from Greek. The narrative is examined from the standpoint of plot-building issues, with regard to both the original text and the changes that were introduced by the Slavonic translators and editors. The authors reveal a specific narrative structure in which the elements of one set of plot features are mirrored or duplicated in another narrative. They also trace the distinctive features of two different Greek versions reflected in the translations, such as a change in the narrative focus in the original version. A significant feature of one of the Slavonic translations is the adaptation to the Old Russian miscellany (Prolog), of which it happened to be a part. Another feature that must be noted is the appearance of the idea of God’s obligation to the righteous in the Slavonic version. A parallel is drawn between this narrative and the “Narrations Useful to the Soul” (a sub-genre of Byzantine hagiography), which contain a tale about the penitent thief. The fate of these texts in both Greek and Slavic literature seems almost the same: they existed in two versions in Greek literature, and both versions of these texts were translated into Slavonic. Later, these translations were included in the Slavonic miscellanea of Prolog and Svodny Paterik. There are also a number of parallels in terms of content, of which the most important one is the discussion of the ways of salvation for laymen considered outside the formal ecclesiastical

paradigm that assumes a form of non-typical holiness. Yet despite the similarities in style and partly in content, the “Narrative About a Young Man and the Magician” has a more sophisticated plot than the tale about the penitent thief on account of duplicated plot motifs that align it with the literary narrative genre.

Keywords: Old Russian narrative, Byzantine hagiography, Prolog, Paterik, young man, magician, narrations useful to the soul, plot, fictionization

Acknowledgments. V. V. Litvinenko’s research is supported by the program no. UNCE/HUM/016 of the Research Center of Charles University and the project GAČR 22-08389S “Pseudo-Athanasius of Alexandria, Oration on the Celebration of Easter: Critical Edition of the Old Slavonic Version”.

For citation: Gritsevskaya I. M., Lytvynenko V. V. A Narrative About a Young Man and the Magician: Slavonic Versions of a Byzantine Story. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 2, pp. 137–154. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11002. EDN: QZGIIQ (In Russ.)

Введение

«Повесть о юноше и волхве», или «Слово о Месите-чародее», известна в науке уже с XIX в. Она неоднократно публиковалась¹, один из элементов сюжета (бесовский пир в царстве бесов) подвергся особому исследованию. О. А. Журавель сопоставляла этот сюжет в ряде разных памятников, в частности в «Слове о Месите» и в «Повести о Савве Грудцыне» [Журавель: 157–195], определяя жанровую специфику текста как видение. Комментируя данную сюжетную параллель, исследовательница указывает на «усвоение Повестью о Савве Грудцыне беллетристического опыта, содержащегося в ранневизантийской литературе» [Журавель: 190].

Ранее нами были определены две версии текста — Проложная и Патериковая [Грицевская, Литвиненко (а)]. Эти версии тесно связаны со сборниками, в которые они входили. Именно по Прологам (Пространной и Краткой редакции) и по Сводному патерику памятник и получил известность. Каждая из версий пришла на Русь своим собственным путем. Нами были выявлены греческие источники текста в славянской книжности, они разные для обеих версий. Для Проложной

¹ Данный текст упомянут как входящий в ранние русские четьи сборники [Творогов], Прологи [Прокопенко] и Патерики [Николова]. Несколько раз он был опубликован в разных версиях по разным источникам [Литературный сборник XVII века «Пролог»: 205–206], [Николова: 253–255], (ВМЧ, 2 декабря: кол. 47–49), (ВМЧ, 31 декабря: кол. 2685–2688).

версии — это перевод фрагмента византийского трактата «Слово о различных образах спасения и о покаянии» [Суворов: 60–61]². Для Патериковой версии — это греческая повесть, существующая самостоятельно [Dobschütz: 226–232] вместе с рядом других легенд о чудотворных иконах.

Ни одна из этих двух версий текста не получила устойчивого названия. Проложная версия может иметь два варианта именования. Одно из них — «Слово о Месите-чародее». Другой вариант обозначения текста, характерный для некоторых списков как Пространного, так и Краткого Пролога, возник при вхождении в Пролог и связан с датой, на которую он был включен, а именно 2 декабря. На эту дату имеется память святого Феодула патрикия, жившего при императоре Феодосии Великом. В Прологах тексту предшествует фраза: «Въ тѣ днѣ [02.ХІІ] памѧ прѣбнаго вѣдѧ нашего феодула. патрекѧ иже бѣ во црѣтво великого фѣдосѧ ипѧрхъ». Отметим, что оба эти обозначения текста не отвечают в целом его содержанию, но связаны лишь с одной из частей. В версии Сводного Патерика сочинение вовсе не имеет названия.

В XIV в. в Болгарии был сформирован новый сборник — Стишной Пролог. Текст о Месите в Патериковой версии был включен сюда, получив при этом характерное название «Из Старчества». Возможно, именно в силу своей безымянности данная версия «потерялась» для составителей «Каталога памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» (КПДП: 886), не указавших ее связь с Проложной версией.

Будучи включены в весьма распространенные сборники, обе версии сочинения имели большую известность у славян и на Руси. Что является причиной такого интереса? Представляется, что главной причиной мог быть авантюрный (но благочестивый) беллетризованный сюжет. В целом он схож в обеих версиях, однако имеет и важные различия.

² Ср. греч. текст в: [Richard, Munitiz: 202] и перевод на русский в: [Анастасий Синаит: 156–159].

Методы и результаты

I

Проанализируем общие черты, базовые для обеих версий и восходящие к греческому оригиналу. Композиционно сюжет строится из двух историй, объединенных единым героем (юношей), а также центральной интенцией, связанной со стойкостью в вере и воздаянием за это. Именно эта интенция и порождает важную характеристику сюжета в целом — его цикличность (деяние — воздаяние). Обе истории являются самостоятельными и законченными. Перед нами зеркально противопоставленные ситуации, служащие базисом сюжету.

Зеркальность построения сюжета прослеживается на всем протяжении обеих историй. Членение по эпизодам и их взаимное отражение при этом построены идеально. Повествование в обеих частях начинается в Константинополе. Событие, дающее толчок развитию сюжета первой истории, — это появление богобоязненного юноши на службе чародея-богоотступника, а также благосклонность («любовь») чародея к этому юноше. Начальное событие второй истории — это появление юноши, героически проявившего себя в противостоянии с бесами, на службе богобоязненного патрикия и благосклонность («любовь») последнего к этому юноше. Далее следует рассказ о пути из Константинополя, в первом случае — чародея и юноши, во втором — патрикия и юноши. В обоих случаях этот путь происходит ночью, цель его — особое место вне города, нечестивое (бесовский город в первой истории) или святое (храм Спаса во второй). Описано пребывание там и поклонение царю бесов в первом случае и иконе Спаса во втором.

Центром каждой из историй является диалог: в первой части это диалог юноши с демоном, во второй — диалог патрикия с иконой. Завершение также зеркально. Диалог каждый раз заканчивается пуантом, переламавающим состояние изображенного мира. В первом случае это ответ юноше царю бесов, после которого рушится бесовский город, во втором — ответ Бога патрикию, в котором существующая иерархия персонажей диаметрально изменена. Лишь в самом конце обеих историй автор отошел от идеи зеркальности. В первой

повествуется о возвращении юноши в Константинополь и извещении городской стражи о гибели чародея, конец второй истории (и, соответственно, завершение всего сюжета) имеет варианты в разных редакциях. Это либо уход патрикия в монастырь, либо нравоучительный вывод о путях спасения души.

В каждой из историй наблюдается нарастание напряжения, устремленность к пунту (сюжетной катастрофе). В первой части в результате сюжетного движения изменяется статус героя из простого юноши в почти мученика, проявившего готовность пострадать за веру. Однако это изменение пока только внутреннее, незримое для окружающих. Во второй части после попытки патрикия привлечь к себе внимание иконы (что при повторении выглядит почти комично) следует ответ от Бога, перевернувший иерархию персонажей и установивший новый порядок мира.

Теперь статус юноши поменялся уже зримо для всех. Поменялся также и статус патрикия — с вершины (благоверный патрикий) он спустился на позицию человека, который только выполнял свои обязанности, а вовсе не совершил ничего такого, за что бы Бог его отметил.

Таким образом, наблюдается симметричность всей мотивной структуры, свидетельствующая о высокой степени искусственности автора в построении сюжета. Такого рода искусственность, как представляется, свидетельствует о риторической подготовке автора, поскольку, как известно, для риториков вопросы композиции текста являлись ключевыми.

При этом изложение достаточно сухо и деловито, «не литературно», здесь нет никаких отступлений от фабулы. Протагонист обрисован схематично, и его оппоненты — маг и патрикий — выглядят гораздо убедительнее и живее. Именно они придают повествованию элемент беллетристичности. Для них также нет углубленной характеристики, однако они представлены значительно полнее, нежели юноша. Маг хитер, коварен и самоуверен. Патрикий простоват и даже несколько комичен. Представляется, что именно поэтому повесть могла носить названия по именам этих героев.

II

В целом названные особенности характерны для обеих версий текста. При этом имеется ряд деталей сюжета, свойственных той или иной версии. Большая часть расхождений между ними восходит к греческим оригиналам³. Можно привести следующие наиболее значимые моменты.

1. В Патериковой версии указано, что волхв был чрезвычайно силен в своем чародействе («и толико сіленъ сѣи влѣшебнѣхъ хытростіѣхъ. еліко прѣвзыти емѣ вѣса иже ѿ вѣка влѣхвы»⁴). Подобного указания в Проложной версии не имеется.

2. В Патериковой версии отношения волхва и царя бесов обрисованы не как отношения господина и любимого слуги (что имеет место в Проложной), но скорее как близкие и дружеские и даже равные («ѡнъ же пріѣтъ его съ любовіѣхъ рекъ къ немѣ. что хоцеші гѣ мои, сѣ ли тебѣ ѹгодн аа вѣсѣ»⁵); при том подчеркнуто, что такие отношения существовали не только с господином, но и со всем его двором («срѣтаахъ* и цѣловаахъ влѣхва мноства еѡіѡпъ. бесѣдѣаще и послѣдѣаще емѣ»⁶).

3. Характерной чертой Патериковой редакции является появление диалога между волхвом и царем бесов:

«[Царь бесов] — что хоцеші гѣ мои, сѣ ли тебѣ ѹгоднаа вѣсѣ?
[Волхв] — еи вѣко, и се го раді пріидѣ поклоні са тебѣ. и бл҃годаріті та⁸.

[Царь бесов] — и еце мнѣае дарованіе да ті са»⁹.

³ Для всех славянских фрагментов в статье указаны соответствующие греческие параллели.

⁴ Ср. с греч.: ὑπερβάλλον ἐν τῇ μαγικῇ αὐτοῦ τέχνῃ πάντας τοὺς ἐξ αἰῶνος φαρμακοὺς.

⁵ Ср. с греч.: ὁ δὲ ἀποδέχεται αὐτὸν ἐμμενῶς λέγων πρὸς αὐτόν· «τί ἐστίν, κύρι Μεσίτα; γίνονται πάντα τὰ θελήματά σου»;

⁶ Ср. с греч.: καὶ εὐθέως ἀνοίξαντες αὐτοῖς οἱ ἔνδον ὄντες Αἰθίοπες πάμπολλοι καὶ ἀναρίθμητοι ὑπήντων καὶ ἡσπάζοντο τὸν Μεσίτην προσαγορεύοντες προδοποιοῦντες.

⁷ Ср. с греч.: «τί ἐστίν, κύρι Μεσίτα; γίνονται πάντα τὰ θελήματά σου»;

⁸ Ср. с греч.: «ναί, дέσποτα, καὶ τούτου χάριν ἤλθον προσκυνῆσαι σοι καὶ εὐχαριστήσαι».

⁹ Ср. с греч.: «καὶ ἔτι πλέον σοι χαρισθήσεται».

4. При сравнении образа бесовского пира фокус внимания нарратора различен. В Проложной версии в первую очередь нарратор видит пир¹⁰, в Патериковой — царя бесов¹¹.

Проложная версия	Патериковая версия
«и обрѣтоста храмъ превеликъ. и в немъ свѣтилиникъи златъи. и свѣща гораща. и столъи и слугъи многои. и нѣкъина сѣдаща одесную и шшую. вса синьца суща. та же и нѣкоего велика синьца суща. на престольтъ възкоцѣ сѣдаща. въз вбразѣ цра».	«прїидошѣ въз нѣкъѣѣ полатѣ зѣло велїкъѣ. въз неи же вбрѣтошѣ нѣкоего мѣина сѣдаща, и ини прѣ тли множьства. ѿ деснѣѣ, и ѿ шѣѣ его, и множьство свѣтлнїкъъ горащїи златїи же и срѣбрѣнїи. и вѣи ѡво сѣѣхѣ. ѿ деснѣѣ его. дрѣзїи же ѿшѣѣ емѣ».

5. В Патериковой редакции показана реакция юноши на участников пира: они представляются ему отвратительными («зрѣше възса мѣрїны сѣща. и гнѣшадаше са пои прїблїжїи са єдїномѣ и. шѣ. же и стоаше прї нечѣтѣвѣмъ. ѿнѣ възхѣвѣ»¹²).

6. Имеется разница в изображении катастрофы, произошедшей с бесовским городом. Если в Проложной редакции он «пал» и «погиб» («паде и погыбе»¹³), то в Проложной редакции царь бесов вместе со своим престолом пал на землю, бесы и волхв внезапно исчезли, а «храм и град превратились ни во что» («храмъ же ѿнъ и градъ, нї въз чтѣ разыде са»¹⁴).

7. В Патериковой редакции подробно описано возвращение юноши в город. Не упущен целый ряд деталей: ворота в город

¹⁰ Ср. с греч.: καὶ εὐρίσκουσι ναὸν παμμεγέθη καὶ πολύφωτα χρυσᾶ καὶ λαμπάδας καὶ φῶτα καὶ σκάμνα καὶ ὑπουργοὺς τινὰς καθεζομένους ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων, πάντας αἰθίοπας ὄντας, εἶτα καὶ τινὰ παμμεγέθη ὁμοίως αἰθίοπα καθεζόμενον ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ ἐν σχήματι βασιλείως.

¹¹ Ср. с греч.: εἶς τινὰ χαμοτρίκλινον παμμεγέθη, ἐν ᾧ καὶ εὖρον ἄπειρα καὶ πολύφανα ἀργυρᾶ καιόμενα καὶ κηράπτας χρυσοῦς ἄπτοντας καὶ σκάμνα ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων καὶ θρόνον ὑψηλὸν καὶ τινὰ Αἰθίοπα μέγαν.

¹² Ср. с греч.: ὁρῶν πάντας Αἰθίοπας ὄντας καὶ βδελυττόμενος τοῦ πλησιάσαι τινὶ ἐξ αὐτῶν, ἀπελθὼν ἔστην ὀπίσω τοῦ ἀθλιοῦ Μεσίτου.

¹³ Ср. с греч.: ἔπεσεν и ἀπόλλωεν.

¹⁴ Ср. с греч.: ὁ οἶκος ἐξέλιπεν, τὸ κάστρον κατεπόθη.

закрыты, поскольку вечер уже закончился, пришлось стучаться и объясняться со стражей, которой юноша «поведал все бывшее» («повѣда... възѣ бывшаа»¹⁵).

8. В Патериковой редакции присутствует локальная конкретика, поскольку назван храм, где молились патрикий и юноша, — Фрефрон.

9. В Проложной версии милостыня выдвигается как важнейший элемент получения милости Божией¹⁶. Эта идея созвучна многим славянским текстам эпохи — например, она звучит в известном «Слове о преступлении закона»¹⁷ (Пролог, 12 января), имеющем источником фрагмент из проповеди Иоанна Златоуста¹⁸, переработанный и пересказанный славянским книжником [Грицевская, Литвиненко (b)]. В этом сочинении содержится мысль о том, что отсутствие милостыни к бедным не может быть искуплено даже усердием в делах веры и молитвы. Отсутствие милостыни является единственным грехом, ведущим грешника прямиком в геенну. Убежденность в значимости милостыни для спасения выражена в доводах патрикия к иконе (см. подчеркнутое)¹⁹:

Проложная версия	Патериковая версия
«Гѣ мои їе хѣ. възскую ѡвращаеши лице свое ѡ раба твоего. тѣи самъ вѣси. <u>ѣако николи же не ѡврати хъ лица моего ѡ чѣвѣка просаца мѣтна ѡ мене.</u> възскую ѡвращаеши ѡ мене недостойнаго раба твоего вѣдѣко».	«не ѡвраті вѣко ліца твоего ѡ мене. нѣ прїзрї на ма и помїлди ма. зане грѣшенъ есмѣ вѣко, съвѣмъ бо. вѣаге не съвѣ себе сицево съгрѣшенїе сътворъша. ѣако да тако ѡвращаешї ліце свое ѡ мене».

¹⁵ Ср. с греч.: διηγείται... πάντα τὰ γενόμενα.

¹⁶ Ср. с греч.: κύριε μου Ἰησοῦ Χριστέ, διὰ τί ἀπέστρεψας τὸ πρόσωπόν σου ἀπ' ἐμοῦ τοῦ δούλου σου; σὺ γὰρ γινώσκεις, ὅτι κατὰ δύναμιν οὐκ ἀπέστρεψα τὸ πρόσωπόν μου ἀπὸ ἀνθρώπου δεομένου ἐλέους, καὶ διὰ τί ἀποστρέφεις τὸν ἀνάξιον δούλόν σου, δέσποτα;

¹⁷ Славянский текст издан в: [Афанасьева, Левшина: 122–123].

¹⁸ Греческий текст издан в: PG 62.599–662 (CPG 4437) под названием In epistulam II ad Timotheum homiliae 1–10.

¹⁹ Ср. с Патериковой версией. Греч.: μὴ ἀποστρέψης τὸ πρόσωπόν σου ἀπ' ἐμοῦ τοῦ εὐτελοῦς καὶ ἀναξίου δούλου σου, ἀλλ' ἐπίβλεψον ἐπ' ἐμὲ καὶ ἐλέησόν με. ὅτι μὲν γὰρ ἁμαρτωλός εἰμι καὶ ταπεινός, ὁμολογῶ καὶ γινώσκω καὶ ἐπίσταμαι, δέσποτα· πλὴν οὐ συγγινώσκω ἑμαυτὸν τοιαύτην ἁμαρτίαν ποιήσαντα, ὅτι οὕτως ἀποστρέφεις τὸ πρόσωπόν σου ἀπ' ἐμοῦ.

10. В Проложной версии приведенного фрагмента наблюдается неожиданная особенность повествования, восходящая к греческому оригиналу. Это смена нарративного фокуса (диегетический нарратор меняется на недиегетического). При этом внезапно выясняется, что повествование ведется со слов юноши. Указанная замена происходит в наиболее драматичном месте новеллы (см. подчеркнутое):

«кзъ немѣ ѿвѣща глѣ, еи вѣко, и сего радї прїидѣ поклонї сѧ тебѣ. и вѣгодарїтї тѧ. глѣ емѣ. и еше мнѣже дарованїе даѣтї сѧ, проче ѡво садїи. и сѣде на прѣвѣ прѣстола вѣ деснѣх ѣ . юноша же сѣ влѣхвомѣ взнїде. зрїше вѣса мѣрїны сѣща. и гнѣшадше сѧ по нѣ прїблїжї сѧ едїномѣ и . шѣ . же и стоаше прї нечѣстївѣмѣ. внѣ влѣхвѣ. вѣзрѣвѣ же на ма рѣ повѣдааше юношѣ. князѣ мѣрїновѣ w нѣв. и вѣзпросї влѣхва глѣ. что іе члѣвкѣ сѣ прїшедын сѣ товож. ѿвѣщавѣ же влѣхвѣ. рабѣ твои іе вѣко»²⁰.

Суммируя характер различий между версиями, можно сделать вывод о том, что Патериковая версия более беллетризована, в ней нагнетается драматизм, имеют место попытки обрисовать эмоциональное состояние героев. Вместе с тем Проложная редакция более конкретна и выглядит более архаичной.

III

Проложная версия является дословным переводом греческого оригинала, а перевод Патериковой версии является более свободным [Грицевская, Литвиненко (а)]. Славянские версии в целом сохранили сюжетные особенности греческого оригинала. Однако присутствуют некоторые детали, включенные, возможно, славянским книжником (во всяком случае, подобные детали отсутствуют в известных нам греческих

²⁰ Ср. с греч.: πρὸς αὐτὸν ἀποκριθεὶς ὁ ἄθλιος ἔφη: «ναί, δέσποτα, καὶ τοῦτου χάριν ἦλθον προσκυνῆσαι σοὶ καὶ εὐχαριστήσαι τὰ μέγιστα». λέγει αὐτῷ ὁ δῆθεν ἐπὶ τοῦ θρόνου καθήμενος: «καὶ ἔτι πλέον σοὶ χαρισθήσεται, κέλευσον· καθέζου». τότε ὁ Μεσίτης ἐκάθισεν πρωτοκάθεδρος ἐν τῷ δεξιῷ σκάμφῳ. 4. ἐγὼ οὖν, φησὶν ὁ νοτάριος, ὁρῶν πάντας Αἰθίοπας ὄντας καὶ βδελυττόμενος τοῦ πλησιάσαι τινὶ ἐξ αὐτῶν, ἀπελθὼν ἔστην ὀπίσω τοῦ ἀθλίου Μεσίτου. καὶ ἀτενίσας τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτοῦ εἰς ἐμὲ ὁ ἐπὶ τοῦ θρόνου καθεζόμενος ἠρώτα τὸν δύστηνον Μεσίτην λέγων: «οὗτος ὁ ἄνθρωπος ὁ μετὰ σοῦ τίς ἐστίν»; λέγει αὐτῷ ὁ δειλαιὸς Μεσίτης: «δοῦλός σου πέφυκεν, δέσποτα».

текстах). Приведем наиболее яркие моменты, характерные для славянских версий.

1. Особенности Проложной версии связаны с адаптацией к сборнику, в который она включена. Как уже отмечалось, именно в составе Пролога патрикий обрел имя Феодул.

2. В Проложной версии сюжет второй новеллы оканчивается тем, что патрикий также взывает подвиг, становясь монахом, из патрикия — «живым мертвецом». В Патериковой версии текст завершается обращением к братии с призывом прислушаться к этой повести, «всякой похвалы и пользы исполненной» («вѣсѣкыѣ похвалы и полза исплѣнѣ сѣщѣ») ²¹. В ряд списков Патериковой версии включено развернутое чтение, для которого не прослеживается параллелей в известных нам греческих списках текста. В нем имеется весьма важный уникальный акцент на долге Бога перед верующим (см. подчеркнутое) ²²:

Краткое чтение	Развернутое чтение
«тебе Ѹбо бл҃гдара ꙗко ѿ и̑ же дарова̑ тї. прїносіши мї мл̑тына. и сего ꙗко въ мнозѣ страсть, и въ время нѣжѣ. не ѿверже са мене и вѣры своеѣ. нѣ исповѣда. ѿца и с̑на и ст҃го дх̑а».	«тебе оубо благодарю ꙗко ѿ них же даровах ти приносиши мл̑тына. <u>сему же оупноши дѣлженъ есмъ. и любя его и бл҃годара. ꙗко въ мнозѣ страсть и въ время нѣжны не ѿвержеса мене и вѣры своєа. но исповѣда ѿца и с̑на и ст҃го» дх̑а».</u>

Обсуждение

В своей недавней монографии, посвященной византийской книжности, С. А. Иванов отмечает существование в Византии особого агиографического поджанра — «душеполезные истории» ²³. Это короткие занимательные рассказы, массово распространенные в Империи. Исследователь отмечает, что жанр этот мало опубликован и недостаточно исследован [Иванов: 133, 142]. С. А. Иванов анализирует ряд «душеполезных историй», из которых наиболее важным для нашего исследования представляется текст о раскаявшемся разбойнике. Дело

²¹ Ср. с греч.: πρᾶγμα παντὸς ἐλαίνου καὶ ὠφελείας πεπληρωμένον.

²² Более подробно о данном различии см.: [Николова: 253–255].

²³ Ряд душеполезных историй, приписываемых Павлу Монемавсийскому, издан Вортли [Wortley].

в том, что судьбы текста о раскаявшемся разбойнике и текста о юноше и чародее имеют много точек соприкосновения. Обе истории известны в двух греческих версиях, оба текста могли приписываться (не всегда) Анастасию Синаиту [Иванов: 253], [Грицевская, Литвиненко (а)]. Помимо этого, каждая из них существовала по крайней мере в двух славянских переводах, восходивших в обоих случаях к разным греческим версиям. Бытование обеих пар переводов в славянской книжности параллельно. Одна из версий этих текстов вошла в Пролог, вторая — в Сводный Патерик²⁴.

Можно назвать ряд содержательных аспектов, связывающих текст о разбойнике и текст о юноше и волхве.

1. Оба текста описывают события, произошедшие во время правления императора Маврикия²⁵. С. А. Иванов отмечает, что в эпоху первых десятилетий VII в. «в моде были повести о нетрадиционной святости, а культ императора Маврикия всячески пропагандировался Ираклием» [Иванов: 252]. Таким образом, обе истории, по-видимому, связаны единым культурным полем, к которому они принадлежат.

2. Оба текста пронизаны троичной символикой. Относительно истории о разбойнике это наблюдение сделано С. А. Ивановым [Иванов: 291]. Относительно текста о Месите можно отметить, что он сконструирован вокруг тринитарного мотива (особенно четко это прослеживается в Патериковой версии, где неоднократно субъектом референции выступает Божественная Троица). Тринитарный мотив является, наряду с идеей «деяния — воздаяния», связующим элементом, создающим повествовательное единство «партактической» структуры, в которой разные части повествования сосуществуют достаточно свободно.

3. Обе истории связаны с темой спасения души мирскими людьми вне монастыря, вне аскетических подвигов и вне церковной парадигмы. Если история о разбойнике может

²⁴ История о разбойнике, по указанию С. А. Иванова, вошла в Пролог на 17 октября. Также она, по нашим наблюдениям, вошла в Сводный патерик (в иной версии) [Николова: 352].

²⁵ Проложная версия истории о юноше и волхве иногда относит повествование ко времени императора Феодосия; это связано с соотношением в этой версии текста с культом святого Феодула патрикия.

служить примером спасения через покаяние, то повествование о юноше реально было включено в текст о путях спасения души [Грицевская, Литвиненко (а)] в качестве «прилога», иллюстрирующего «особый», самый эффективный путь спасения.

4. Обе истории погружают читателя в мир трансцендентного, существующего бок о бок с реальным миром и не требующего особых усилий, чтобы быть проявленным. Вполне обыденно и повседневно выглядят явление чудес, беседа с иконой (которая ответит, если с усердием просить). В обоих текстах в качестве персонажей фигурируют «мурины» (бесы).

5. В обеих историях наблюдается сходство в обрисовке протагониста. Как отмечает С. А. Иванов, «в “душеполезных историях” главный персонаж не персонифицирован, а скорее типизирован, несмотря на исключительность его истории» [Иванов: 287]. У протагонистов обеих историй нет имен, только социальный статус («юноша», «разбойник»).

6. Можно предположить, что источники сюжетов обоих повествований имеют в конечном итоге более или менее отдаленные фольклорные корни и базируются на неких устных городских нарративах. Типологически такого рода рассказы могут иметь тот же генезис, что и поздний русский фольклорный жанр быличек.

Таким образом, мы видим два нарратива, структурно и сюжетно близких. Они, несомненно, принадлежат к одному кругу византийских текстов, которые можно обозначить как «душеполезные истории», связанные отчасти структурой сюжета и имеющие практически идентичную историю бытования сначала в греческой книжности, а потом и в славяно-русской.

Путь лишь одного текста в одних и тех же сборниках может быть случайным, однако совпадение судьбы сразу двух не расположенных рядом текстов, не составляющих единого текстового блока, свидетельствует о закономерностях в формировании сборников, о соотношении их с греческой книжностью, как с сюжетно-жанровой, так и с текстологической стороны. Возможно, дальнейшие исследования покажут и иные параллели в бытовании греческо-славянских версий, что даст основание сделать выводы о движении и взаимовлиянии текстов различных эпох и различных культур.

Выводы

Текст о юноше и волхве («Слово о Месите-чародее») восходит к одному из поджанров византийской агиографии — «душеполезным историям», «благочестивым анекдотам», распространенным в Византии, жанру, по мнению исследователей, малоизученному. Подобного рода произведения, связанные с народными представлениями о потустороннем, включающие демонологические мотивы, позволяют «прояснить некоторые стороны русской религиозной культуры» [Пигин: 27]. Волшебные истории, схожие с текстом о юноше и волхве, были распространены в Византии, а потом в потоке переводной книжности пришли к славянам и на Русь, где обрели новых читателей и новое звучание, влившись в традиционные славянские сборники.

При этом история о юноше и волхве имеет литературный сюжет, состоящий из двух частей, одна из которых зеркально отражает другую. Это выделяет данное сочинение из полуфольклорного агиографического поджанра «душеполезных историй», к которому, несомненно, восходят обе части текста. Таким образом, памятник представляет собой обработку фольклорного нарратива, литературную повесть, выстроенную на его основе.

Еще одна сторона жанровой истории текста — это существование его внутри сборников, весьма распространенных и чрезвычайно важных для истории древнеславянской и древнерусской книжности — Пролога, Сводного Патерика, Стишного Пролога. Наблюдения над их формированием являются весьма значимыми для современной медиевистики, поскольку выявляют судьбы целых систем текстов, глубинную историю межкультурных взаимовлияний и заимствований.

Список сокращений

ВМЧ, 2 декабря — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. М.: Издание Археографической комиссии, 1901. Т. 1. 2 декабря.

ВМЧ, 31 декабря — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. М.: Издание Археографической комиссии, 1901. Т. 1. 31 декабря.

КПДП — Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. / отв. ред. О. В. Творогов; [сост. Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 944 с. (Studiorum Slavicorum Orbis; вып. 7.)

CPG — Geerard M. Clavis Patrum Graecorum. Turnhout: Brepols, 1974. (Vol. 2.)

PG — Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Paris, 1862. (Series Graeca; vol. 62.)

Список литературы

1. Анастасий Синаит. Вопросы и ответы / пер. с греч., вступ. ст. и коммент. А. И. Сидорова. М.: Сибирская Благовозвонница, 2015. 672 с.
2. Афанасьева Т. И., Левшина Ж. Л. Пандекты Никона Черногорца в ркп. РНБ, Греч. 70 // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М.: Древлехранилище, 2010. С. 104–157.
3. Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Повесть о юноше и чародее в славянской книжности // *Studia Ceranea* (в печати). (a)
4. Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Дидактическая тематика в текстах славянского Псевдо-Афанасия // *Palaeobulgarica* (в печати). (b)
5. Журавель О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 234 с.
6. Иванов С. А. Византийская культура и агиография. М.: ЯСК, 2020. 536 с.
7. Литературный сборник XVII века «Пролог» / подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др. / под ред. А. С. Демина. М.: Наука, 1978. 298 с.
8. Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1980. 367 с.
9. Пигин А. В. Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.01.01). СПб., 1999. 30 с.

10. Прокопенко Л. В. Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII — начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М.: Древлехранилище, 2010. С. 158–312.
11. Суворов Н. С. К истории нравственного учения в восточной церкви // Византийский Временник. СПб., 1903. Т. 10. Вып. 1–2. С. 31–62.
12. Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья первая) // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 197–214.
13. Dobschütz E. Christusbilder: Untersuchungen zur christlichen Legende. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1899. 357 s.
14. Richard M., Munitiz J. Anastasii Sinaitae. Quaestiones et Responsiones. Turnhout: Brepols, 2006. 286 p. (Corpus Christianorum; Series Graeca 59.)
15. Wortley J. Les récits édifiants de Paul, évêque de Monembasie, et d'autres auteurs. Introduction et texte. Paris: Éditions du CNRS, 1987. 144 p. (Sources d'Histoire Médiévale publiées par l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes.)

References

1. Anastasiy Sinaït. *Voprosy i otvety* [Questions and Answers]. Moscow, Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2015. 672 p. (In Russ.)
2. Afanas'eva T. I., Levshina Zh. L. Pandectes of Nikon of the Black Mount in Manuscript of the National Library of Russia, Greek 70. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka, 2006–2009* [Linguistic Source Study and the History of the Russian Language, 2006–2009]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2010, pp. 104–157. (In Russ.)
3. Gritsevskaya I. M., Litvinenko V. V. Short Novel (Povest') About a Young Man and the Magician in the Slavonic Tradition. In: *Studia Ceranea* (In Print). (In Russ.) (a)
4. Gritsevskaya I. M., Litvinenko V. V. Didactic Themes in the Texts of Slavonic Pseudo-Athanasius. In: *Palaeobulgarica* (In Print). (In Russ.) (b)
5. Zhuravel' O. D. *Syuzhet o dogovore cheloveka s d'yavolom v drevnerusskoy literature* [A Plot About Man's Agreement with the Devil in Old Russian Literature]. Novosibirsk, Sibirskiy chronograf Publ., 1996. 234 p. (In Russ.)
6. Ivanov S. A. *Vizantiyskaya kul'tura i agiografia* [Byzantine Culture and Hagiography]. Moscow, YaSK Publ., 2020. 536 p. (In Russ.)
7. *Literaturnyy sbornik XVII veka «Prolog»* [Literary Anthology of the 17th Century "Prolog"]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 298 p. (In Russ.)
8. Nikolova S. *Paterichnite raskazi v bolgarskata srednevekovna literatura* [Paterik Stories in the Bulgarian Medieval Literature]. Sofia, Bolgarska akademiya na naukite Publ., 1980. 367 p. (In Bulgarian)
9. Pigin A. V. *Demonologicheskie skazaniya v russkoy rukopisnoy knizhnosti XIV–XX vv.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Demonological Tales in the

- Russian Manuscript Tradition of the 14th–20th Centuries. PhD. philol. sci. diss. abstract*]. St. Petersburg, 1999. 30 p. (In Russ.)
10. Prokopenko L. V. The Content and Sources of the Prolog for the September Part of the Year According to the Manuscripts from the 12th to Early 15th Centuries. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka, 2006–2009* [*Linguistic Source Study and the History of Russian Language, 2006–2009*]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2010, pp. 158–312. (In Russ.)
 11. Suvorov N. S. Concerning the History of the Moral Teaching in the Eastern Church. In: *Vizantiyskiy Vremennik*. St. Petersburg, 1903, vol. 10, issue 1–2, pp. 31–62. (In Russ.)
 12. Tvorogov O. V. Old Russian Reading Miscellanea of the 12th–14th Centuries (Article One). In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1988, vol. 41, pp. 197–214. (In Russ.)
 13. Dobschütz E. *Christusbilder: Untersuchungen zur christlichen Legende* [*Images of Christ: Studies in the Christian Legend*]. Leipzig, J. C. Hinrichs Publ., 1899. 357 p. (In German)
 14. Richard M., Munitiz J. *Anastasioi Sinaitae. Quaestiones et Responsiones* [*Anastasioi of Sinai. Questions and Answers*]. Turnhout, Brepols Publ., 2006. 286 p. (Corpus Christianorum; Series Graeca 59). (In English and Greek)
 15. Wortley J. *Les récits édifiants de Paul, évêque de Monembasie, et d'autres auteurs. Introduction et texte* [*The Edifying Stories of Paul, Bishop of Monembasie, and Other Authors. Introduction and Text*]. Paris, Éditions du CNRS Publ., 1987. 144 p. (Sources d'Histoire Médiévale publiées par l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes). (In French and Greek)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Грицевская Ирина Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (пр. Октябрьский, 55, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 167001); ORCID: 0000-0002-9061-5070; e-mail: irgri@inbox.ru.

Irina M. Gritsevskaya, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (pr. Oktyabr'skiy 55, Syktyvkar, 167001, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9061-5070; e-mail: irgri@inbox.ru.

Литвиненко Вячеслав Владимирович, PhD, научный сотрудник кафедры философии, Карлов университет (ул. Черна, 646/9, г. Прага, Чешская республика, 115 55); ORCID: 0000-0001-5519-8980; e-mail: vyacheslav.lytvynenko@gmail.com.

Viacheslav V. Lytvynenko, PhD, Research Professor of the Philosophy Department, Charles University (ul. Černá 646/9, Prague, 115 55, Czech Republic); ORCID: 0000-0001-5519-8980; e-mail: vyacheslav.lytvynenko@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.04.2022

Принята к публикации / Accepted 30.04.2022

Дата публикации / Date of publication 06.06.2022